

Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ.

«Міръ поэзіи, этотъ идеальный міръ человѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ — міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой-же дѣйствительности».

(Шевыр., Ист. поэзіи, стр. II.)

Вопросъ о происхожденіи и процессѣ созданія народныхъ произведеній представляетъ такъ много интереса для занимающихся изученіемъ народной литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ является такимъ запутаннымъ, что всякій новый фактъ, помогающій хоть сколько нибудь уясненію онаго, достоинъ того, чтобы остановиться на немъ, съ цѣлью уясненія основныхъ положеній о народномъ творествѣ вообще. Такимъ новымъ фактомъ является помѣщаемый ниже рассказъ, содержащійся въ одной италіанской брошюрѣ 1643 года и представляющій много аналогичнаго съ содержаніемъ извѣстной малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ, а потому дающій нѣкоторыя данныя для уясненія вопроса о происхожденіи оной. Вопросъ-же о происхожденіи малорусскихъ думъ имѣетъ немаловажное значеніе: однѣ изъ нихъ создавались народомъ на основаніи историческихъ событій и очень часто служили матеріаломъ для историковъ, пользовавшихся ими, какъ историческими данными; другія-же явились, какъ поддѣлка подъ народныя произведенія, изъ-подъ пера грамотниковъ; поэтому весьма важно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ какъ подлинность думы, такъ и историческую достовѣрность передаваемыхъ въ ней фактовъ.

Считаю необходимымъ сначала указать нѣсколько общихъ положеній о народномъ творествѣ, которыя вполне могутъ быть

подтверждены частностями, проглядывающими въ разбираемой мною думѣ.

Если признать вѣрною мысль, высказанную въ эпиграфѣ, что мѣръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой дѣйствительности, то, относительно народной эпической поэзіи, мысль эта можетъ быть формулирована еще съ большей опредѣленностью, а именно: *для созданія народно-эпическаго произведенія необходимъ фактъ, какъ дѣйствительность.* Поэтъ-художникъ очень часто создаетъ фактъ, исключительно руководствуясь фантазіей, сдерживаемой только условіями типической достовѣрности; онъ, увлеченный извѣстной идеей, вымышляетъ сознательно, не вѣря самъ передаваемымъ рассказамъ, и только допускаетъ возможность ихъ въ дѣйствительности. Народъ же, какъ бессознательный творецъ поэтическихъ произведеній, въ моментъ творчества въ каждомъ данномъ случаѣ вѣритъ передаваемому имъ факту, предполагая въ немъ реальную достовѣрность, и слѣдовательно не можетъ создать основнаго рассказа въ произведеніи, руководствуясь только фантазіей. Онъ можетъ конечно исказить фактъ до неузнаваемости, перепутать различные факты, но создать совершенно новый фактъ на основаніи фантазіи, повторяю,—не въ его натурѣ. Однимъ словомъ, поэзія въ его сознаніи—не игра воображенія, не умышленное творчество, а безусловная истина, являющаяся то какъ сводъ его религіозныхъ вѣрованій, то какъ кодексъ нравственности, то какъ его исторія. Поэтому во всякомъ народномъ произведеніи долженъ быть въ основѣ реальный фактъ, а тѣмъ болѣе—въ произведеніи съ историческимъ сюжетомъ; но только фактъ этотъ или въ исторіи затерялся, или въ произведеніи исказился до того, что узнать его мы не можемъ. Въ иной исторической пѣснѣ такой фактъ видѣнъ ясно, такъ-что и сомнѣнія не можетъ быть въ исторической основѣ ея; въ иной—могло быть смѣшано два отдѣльных, но однородныхъ факта, и наконецъ многія пѣсни болѣе общаго содержанія пользуются, какъ основой, фактами типическими, которые все-таки сложились изъ отдѣльных историческихъ фактовъ, но совершенно забытыхъ, таковы: дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, да и вообще всѣ пѣсни, передающія рассказы о плѣнѣ у татаръ и турокъ. Конечно, во всѣхъ пѣсняхъ можно замѣтить присутствіе этой послѣдней черты, т. е. что историческій фактъ пополняется и пересоздается на осно-

ваніи обще-типическихъ подробностей, собственно и составляющихъ характерное отличіе народнаго творчества данной націи, но въ однихъ пѣсняхъ такихъ чертъ больше, въ другихъ меньше¹⁾).

¹⁾ Года три назадъ мѣ пришлось услышать въ золотоношскомъ уѣздѣ, полт. губ., пѣсню, которая по складу своему относится не къ эпическимъ, а къ лирическимъ пѣснямъ, и которая составлена такъ, что большая часть ея, въ отдельныхъ стихахъ, представляется заимствованной изъ разныхъ пѣсень. Однако-же упомянаемый въ ней фактъ убійства да два собственныхъ имени навели меня на мысль, что пѣсня создана на основаніи какого-то дѣйствительнаго происшествія. Оказалось, что предположеніе мое было вѣрно: я узнать впоследствии, что лѣтъ 10 назадъ въ м. Гельмазовѣ, золотон. уѣзда, было совершено убійство старшины Ярмаки братьями Томиленками, и этотъ то фактъ и послужилъ поводомъ къ созданію пѣсни. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ пѣсня эта будетъ совершенно забыта, или пересоздастся до того, что и собственные имена изъ нея совершенно исчезнутъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ будущій изслѣдователь народныхъ пѣсень, не зная этого факта, естественно можетъ прийти къ выводу, что пѣсня создана на основаніи фантазій съ извѣстной типической обстановкой. Во избѣжаніе этого, считаю уиѣстнымъ при случаѣ сообщать ее здѣсь.

*Не хилися, яворьнику, — ще-жъ ты зеленекій!
Не журися, козаченьку, ще-жъ ты молоденькій!
Не радъ яворъ хилитися — вода корень мые,
Не радъ козакъ журигися — такъ серденько ные.*

Займствовано изъ пѣсни «Стоять явіръ надъ водою».

*Тий по морю, по синѣму два лебеді вьются,
А ни тѣхъ-же Томиленківъ кайданы куются.
Закували Томиленківъ, повезли селомъ;
Селомъ везуть, селомъ везуть, сѣтьцемъ накидають.*

Образъ лебедя весьма часто означаетъ разлуку съ свободой.

*За нимъ ёго стара мати плаче ти рыдае.
Не плачъ, мати, не плачъ, стара, — сами провинила,
Що хорошого сына породила, тий не оженила.*

Томиленки были двоюродные братья.

*Продай, мати, воли круторой, выручи зъ неволи;
Продай, мати, бычки и телічки, выручи зъ темнички!*

*Лучше-жъ мени, моя мати, у полі орати,
А ніжъ мени, моя мати, зъ тюрми виглядати.
Лучше-жъ мени, моя мати, у лузі зъ косою,
А ніжъ мени, моя мати, у тюрмі зъ красою,
Лучше-жъ мени, моя мати, цѣпомъ молотити,
А ніжъ мени, моя мати, залізо носити.*

Кажется, новый способъ сравненія, указывающій, какъ на крайнюю тяжесть, на земледѣльческой работы.

*Було-бъ тобі, мій сыночку, горілки не пити,
Було-бъ тобі, мій сыночку, Ярмаки не бити.*

Томиленки совершили убійство, будучи подносны.

Дума о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи, по моему мнѣнію, должна быть отнесена къ тому роду пѣсень, въ основѣ которыхъ находится историческій фактъ, соединенный затѣмъ съ такимъ-же историческимъ фактомъ, только относящимся совсѣмъ къ другимъ лицамъ, и наконецъ пополненный вышеуказанными типическими подробностями. Дума о Самуилѣ Кошкѣ, самая длинная и болѣе другихъ сохранившаяся, извѣстна была до послѣдняго времени только въ изданіи г. Лукашевича „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни“ (1836 г.) и записана въ 30-хъ годахъ въ полтавской губ. Перепечатана она была затѣмъ въ Сборникѣ Максимовича (1849 г.) и въ „Историческихъ пѣняхъ малорусскаго народа“, изданныхъ въ 1874 г. Этотъ, къ удивленію, единственный вариантъ думы въ послѣднее время пополнился другимъ вариантомъ, сообщеннымъ г. Горленкомъ на страницахъ декабрьской книжки „Кіевской Старины“. Послѣдній вариантъ, записанный со словъ бандуриста Ивана Крюковского въ лехвицкомъ уѣздѣ, полтав. губ., представляетъ жалкіе обломки нѣкогда стройнаго цѣлаго, впрочемъ до извѣстной степени дополняющіе прежній вариантъ, записанный г. Лукашевичемъ. Излагая содержаніе думы, я буду руководствоваться обоими вариантами, такъ какъ начало ея сохранилось, хотя въ самомъ отрывочномъ видѣ, въ вариантѣ Крюковского.

„У лузі Базалузі“, въ куренѣ, проживавъ гетманъ козацій „Кішка Самійло“ зъ 40 человекъ „негиг“, не вѣдая никакого горя. Однажды по Черному морю ѣхало галерою „молоде пана, турецке баша“; увидѣлъ онъ Лугъ-Базалугъ, прибылъ туда, захватилъ въ плѣнъ Самуила Кошку съ товарищами и, заковавъ ихъ въ цѣпи, отправился на своей галерѣ „до дівки Санжаківны“. Такъ передаетъ фактъ плѣненія вариантъ Крюковского. Въ вариантѣ, записанномъ Лукашевичемъ, мы видимъ уже продолженіе, такъ какъ тамъ говорится, что изъ Трапезонта выѣхала парадная галера, на которой были „Алканъ-пана, трапезонськее княжа“, 700 турокъ, 400 янычаръ и 350 (півчвартаста) бѣдныхъ невольниковъ, между которыми находились „Кішка Самійло, гетьманъ запорозскій и Ляхъ-Бутурлакъ, ключникъ галерскій, сотникъ переяславскій, недовірокъ христіянскій, що бувъ тридцять лѣтъ у неволі, двадцять чотыре якъ ставъ на волі, потурчився, побусурманився для паньства великого, для лакомства нещасного“. Когда они далеко отъѣхали

отъ пристани, Алкану-пашѣ приснился сонъ, предвѣщавшій что-то недоброе, а именно: что галера его ограблена, что его янычары изрублены, а невольники всѣ оказались на волѣ, и что гетманъ Кошка его самого на три части разрубилъ и въ море побросалъ. Бѣдныя невольники хотя хорошо знали, что этотъ сонъ означаетъ, но ничего не сказали, а Ляхъ-Бутурлакъ, успокоивая Алкана-пашу, предложилъ только, чтобы ему поручено было зорче слѣдить за невольниками и крѣпче ихъ заковать. Затѣмъ подъѣзжаютъ они къ городу Козлову, гдѣ проживаетъ „дівка Санжаківна“, въ гости къ которой и отправляется Алканъ-паша. Но, не довѣряя вполнѣ Ляху-Бутурлаку, посылаетъ онъ къ галерѣ двухъ турокъ для наблюденія, чтобы Ляхъ-Бутурлакъ не вздумалъ отпереть Самуила Кошку и его товарищей. Посланные турки подслушиваютъ разговоръ Кошки съ Бутурлакомъ: на просьбы Кошки освободить его изъ оковъ Бутурлакъ предлагаетъ ему отречься отъ вѣры христіанской,—тогда, говоритъ, „будешь у нашего пана молодого за рідного брата пробувати“; на это предложеніе Кошка даетъ отвѣтъ исполненій негодванія и брани, за что Ляхъ-Бутурлакъ бьетъ его и обѣщаетъ держать строже всѣхъ. Тогда посланные турки извѣщаютъ Алкана-Пашу, что онъ имѣетъ вѣрнаго слугу въ Ляхѣ-Бутурлакѣ и потому можетъ спокойно пировать. Алканъ-паша, получивъ это извѣстіе, очень обрадовался и послалъ на галеру много всякихъ напитковъ для Бутурлака. Послѣдній, грустя о томъ, что не съ кѣмъ ему о вѣрѣ христіанской поговорить, рѣшился посадить рядомъ съ собою Кошку и сталъ угощать его; но Кошка, въ то время какъ Ляхъ-Бутурлакъ все выпивалъ, тайкомъ выливаетъ подаваемое ему угощеніе и, дождавшись того момента, когда Бутурлакъ такъ напился, что съ ногъ свалился, досталъ изъ подъ подушки его всѣ ключи и отдалъ невольникамъ съ словами: „одинъ другого одмыкайте, кайданы изъ нігъ—изъ рукъ не кидайте, полуночної години дожидайте“.

Вариантъ Крюковского не передаетъ этихъ подробностей и представляетъ Ляха-Бутурлака совсѣмъ инымъ, а именно: онъ, услышавъ сонъ паши, коротко успокоиваетъ его и сейчасъ-же, давая Самуилу Кошкѣ ключи, говоритъ:

Цытьте хлопци, не гримите

И заізомъ не стучите;

*Дружка дружку одмыкайте,
Залізо у Чорне море метаите,
И молодого паню, турецького башу, и паняты ёю
У Чорне море изъ галеры скидайте“.*

Фактъ этотъ, какъ увидимъ ниже, имѣеть очень важное значеніе. Но продолжу далѣе пересказъ содержанія.

Когда въ полночь прибылъ къ галерѣ Алканъ-паша и увидѣлъ своего вѣрнаго ключника крѣпко спящимъ, то отдалъ приказаніе осмотрѣть всѣхъ невольниковъ, при чемъ обманъ Самуила Кошки вполне удался, такъ какъ осматривавшимъ и въ голову не пришло попробовать, заперты ли замки при кандалахъ, и они ограничились только бѣглымъ осмотромъ. Когда все успокоилось, козаки сняли съ себя оковы, изрубили всѣхъ турокъ, а

*Кішка Самійлю Алкана-пашу изъ ліжка взявъ,
На три части розтявъ,
У Чорнее море побросавъ...*

Между прочимъ онъ отдалъ приказаніе оставить спящаго Лях-Бутурлака въ живыхъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться еще полезнымъ для нихъ. Покончивши съ врагами, невольники пустились въ дальнѣйшій путь. Не скоро проснулся Ляхъ-Бутурлакъ, и когда узналъ о случившемся, то поклонился Самуилу Кошкѣ и, покаявшись въ своемъ прежнемъ поведеніи, подалъ совѣтъ половину козаковъ посадить на весла, а половину нарядить въ турецкіе костюмы, чтобы обмануть турокъ, которые выйдутъ изъ Цареграда встрѣчать Алкана-пашу. Такъ и поступили. Дѣйствительно, когда они стали подъѣзжать къ Цареграду, навстрѣчу имъ выѣхало 12 турецкихъ галеръ. Ляхъ-Бутурлакъ сталъ впереди, замахалъ турецкимъ флагомъ и сказалъ туркамъ, что Алканъ-паша съ крѣпко спитъ, и что побываетъ у нихъ на обратномъ пути. Затѣмъ козаки благополучно прибыли къ Днѣпру.

Тутъ я оставляю пересказъ думы, такъ какъ дальнѣйшее ея содержанія не относится къ интересующему меня вопросу о ея происхожденіи, и перейду къ сличенію разсказа думы съ сказаніями лѣтописцевъ о томъ-же фактѣ.

Какія же историческія данныя представляетъ собою разбираемая нами дума о Самуилѣ Кошкѣ?

Просматривая Лѣтопись Грабянки, Величка, Самовидца, Лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, Исторію Руссовъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана и др., мы находимъ краткія извѣстія о Самуилѣ Кошкѣ, и извѣстія почти вездѣ однородныя, а именно: почти всѣ эти источники упоминають о томъ, что Кошка былъ плѣнень турками, но о бѣгствѣ его изъ неволи ничего не говорятъ.

Прослѣдимъ разсказъ о Кошкѣ по упомянутымъ и другимъ источникамъ, дабы опредѣлить, какія извѣстія были въ разныя времена объ этомъ героѣ думы, можетъ быть даже, — только какъ слухи.

Въ Исторіи Руссовъ читаемъ, что, когда въ 1598 году нѣкоторые малороссійскіе полки, въ противовѣсъ полякамъ, выбрали себѣ гетманомъ Сагайдачнаго, „поляки, въ опроверженіе гетмана Сагайдачнаго, а больше, чтобы всѣять вражду и междуусобіе въ войскахъ малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками гетманомъ изъ сотниковъ *Демьяна* Кушку; а онъ, вздумавъ прославить себя военными успѣхами и заслужить общее тѣмъ уваженіе, отправился съ войсками своими въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ христіанъ, тамошними татарами на границахъ Подолія забранныхъ. Но, приближаясь къ г. Аккерману, былъ атакованъ турками и татарами и отъ нихъ взятъ въ плѣнъ и истребленъ“¹⁾. На основаніи этого источника, такой-же разсказъ переданъ въ Исторіи Малороссіи Н. Маркевича²⁾. Въ приложеніи къ лѣтописи Самовидца, подъ заглавіемъ „Краткое описаніе Малороссіи“, упоминается подъ 1620 годомъ Самойло Кушка, какъ соучастникъ короляго гетмана Жолкевскаго въ извѣстной цоцорской битвѣ съ турками, съ прибавленіемъ, что его „турки живого въ полонъ взяли“³⁾. Почти тѣми же словами передается это извѣстіе въ лѣтописяхъ изданныхъ Бѣлозерскимъ⁴⁾, а равно въ лѣтописи Грабянки⁵⁾, съ отнесеніемъ факта плѣненія къ 1620 г. Въ приложеніяхъ къ лѣтописи

¹⁾ Исторія Руссовъ, стр. 45.

²⁾ Т. I, стр. 104.

³⁾ Изд. 1849 г., стр. 4; изд. 1878 г., стр. 216.

⁴⁾ Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памятя достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе (стр. 56); Хронологія высокославныхъ, ясновѣдомныхъ гетмановъ (стр. 111); Имянная перепись малороссійскихъ хетмановъ (стр. 131).

⁵⁾ Лѣтов. Грабянки, стр. 25; тамъ-же, стр. 260.

Величка находимъ такія же извѣстія, съ указаніемъ и мѣста погребенія Кошки; въ первомъ изъ нихъ читаемъ: „1620 года гетманъ Самойло Кошка на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, турками убитъ и въ городѣ Капневѣ погребенъ“ ¹⁾, во второмъ находимъ и болѣе подробное извѣстіе: „1620 года гетманъ козацкій Самойло Кошка съ козаками, при гетманѣ коронномъ Жолковскомъ, во время султана турецкаго Османа Гордаго, на коварной, подъ видомъ мира съ поляками, на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, войнѣ находился, но взятъ-ли онъ турками въ полонъ и выкупили-ль его козаки изъ того полону такъ, какъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго, или ни, — неизвѣстно; токмо сіе заподозрѣно вѣстимо, что онъ гетманъ Кошка въ городѣ украинскомъ Капневѣ погребенъ, чего въ доказательство тамъ его гробъ свидѣтельствуеетъ“ ²⁾. Въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго Самуилъ Кошка является преемникомъ Сагайдачнаго, но о времени его гетманства и участіи въ походахъ козаковъ противъ турокъ 1614, 1615 г. и 1616 г. говорится крайне неопредѣленно и только замѣчается, что онъ „попался въ плѣнъ къ туркамъ“ ³⁾. Наконецъ въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи“ Ригельмана говорится, что „въ битвѣ при Цоцорѣ козацкій гетманъ Самойло Кошка и Богданъ Хмельницкій съ прочими попались въ полонъ, кои по дву годахъ искуплены на обмѣвъ плѣненными татарами“ ⁴⁾.

И такъ, почти во всѣхъ цитированныхъ нами источникахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ плѣненія Самуила Кошки турками, при чемъ, какъ на мѣсто и время плѣненія, всѣ они указываютъ на цоцорскую битву 1620 года, за исключеніемъ малодостовѣрнаго вообще источника—Исторіи Руссовъ, по которой Кошка попалъ въ плѣнъ во время похода въ Бессарабію, вблизи Аккермана, причемъ названъ онъ не Самойломъ, а Демьяномъ. Оставляя въ сторонѣ темное свидѣніе Исторіи Руссовъ, не можемъ не указать на два другія свидѣтельства, противорѣчащія приведеннымъ нами извлеченіямъ. Таковы, во 1-хъ, письмо извѣстнаго кошеваго атамана Сѣрка къ крым-

¹⁾ Лѣтоп. Величка, т. IV, стр. 151.

²⁾ Тамъ-же, стр. 155—156.

³⁾ Т. I, стр. 183—184.

⁴⁾ Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств., стр. 36.

скому хану, писанное въ 1675 году, гдѣ о Самуилѣ Кошкѣ, какъ о гетманѣ, и его походахъ упоминается до 1575 г., такъ какъ далѣе говорится, что „по немъ року 1575 Богданко зъ козаками Крымѣ воевалъ и плюндровалъ“¹⁾, и во 2-хъ шесть писемъ самаго Кошки къ коронному гетману Жолкевскому, писанныхъ во время походовъ его въ 1601—1602 г.г. сначала въ Молдавію, а потомъ въ Ливонію²⁾. Правда, письмо Сѣрка въ вопросѣ о времени плѣна Кошки не имѣетъ значенія строго историческаго свидѣтельства, какъ писанное спустя сто лѣтъ и основанное на воспоминаніяхъ и слухахъ, за то письма Кошки, по времени написанія, занимаютъ такой срединный пунктъ между свидѣтельствомъ Сѣрка и извѣстіями лѣтописцевъ, что могутъ служить подтвержденіемъ какъ того, такъ и другихъ, и если предположить, что Самуилъ Кошка участвовалъ въ походахъ въ Молдавію и Ливонію по возвращеніи изъ плѣна, тогда извѣстію Сѣрка должно дать предпочтеніе, а если допустить, что походы были раньше плѣна его, тогда надо дать вѣру извѣстіямъ лѣтописцевъ. Издатели „Историческихъ пѣсенъ малорускаго народа“³⁾, основываясь на томъ, что письма къ Жолкевскому на обратномъ пути изъ похода въ Ливонію въ началѣ писаны Самуиломъ Кошкой, а послѣднее письмо изъ того-же похода писано нѣкимъ Гавриломъ Крутневичемъ, отдають предпочтеніе извѣстію Сѣрка и дѣлають предположеніе, что Самуилъ Кошка умеръ на обратномъ пути изъ похода. Подтвержденіемъ этому предположенію является повидимому Боркулабовская Хроника, издачная г. Кулишомъ въ матеріалахъ для „Исторіи возсоединенія Руси“, въ которой читаемъ: „року 601 были у Швецыи козаки запорожскіе, люду четыре тысячы. Надъ ними былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ-же того Самуила убито, а поховано у Києвѣ“⁴⁾. Но извѣстіе Боркулабовской Хроники, такъ положительно говорящей о смерти Кошки, рѣшительно опровергается двумя письмами его къ Жолкевскому, помѣченными 1602 годомъ, изъ чего ясно, что Кошка былъ живъ во время обратнаго пути изъ похода и, слѣдовательно, не былъ

¹⁾ Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 380.

²⁾ Listy Stanisława Żółkiewskiego, стр. 107, 108, 114—117.

³⁾ Историч. пѣсни, Т. I, стр. 227.

⁴⁾ Кулишъ, Матеріалы, т. I, стр. 77.

убить во время войны, не говоря уже о несообразности такихъ двухъ извѣстій, какъ смерть Кошки въ Швеціи и погребеніе его въ Кіевѣ. Мало вѣроятія за собою имѣеть и предположеніе издателей „Пѣсенъ малорусскаго народа“ о смерти Кошки на обратномъ пути изъ похода, основанное на томъ, что послѣднее письмо съ похода писано другимъ лицомъ, именно Гавриломъ Крутневичемъ. Послѣдняго подпись въ качествѣ простаго каневского козака мы находимъ на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря¹⁾, съ датою 1610 г., и на письмѣ къ Жолкевскому онъ подписался просто: Гаврило Крутневичъ и все запорожское войско, а слѣдовательно онъ не заступилъ мѣсто Кошки въ качествѣ гетмана, Кошка же подписался вездѣ словомъ *старшій*, которое замѣняло тогда слово гетманъ. Самуилъ Кошка въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Жолкевскому причиною возвращенія своего изъ похода выставляетъ недовольство козаковъ и крайній недостатокъ въ содержаніи²⁾ и согласно съ нимъ говоритъ объ этомъ Гейденштейнъ³⁾. Составители сборника пѣсенъ въ подтвержденіе своего предположенія ссылаются еще и на то, что въ думѣ говорится, будто Кошка возвратился изъ плѣна при гетманѣ Скалозубѣ, т. е. около 1599 года. Но если довѣрять думѣ, то можно прийти къ выводу покойнаго М. А. Максимовича, что Кошка, пробывшій въ неволѣ 54 года, попалъ въ плѣнъ въ 1534 году, что ужъ совсѣмъ невѣроятно⁴⁾. Свидѣтельство думы о возвращеніи Кошки изъ плѣна по всей вѣроятности есть типичная прибавка, вызванная желаніемъ представить цѣльный и законченный рассказъ.

Среди такихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ о времени плѣненія Самуила Кошки, не дающихъ возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя бы съ приблизительною точностію, мы желали бы удостовѣриться по крайней мѣрѣ въ томъ, подтверждается ли исторіей самый фактъ плѣненія его, а равно и возврата изъ неволи. Положительному разрѣшенію этого вопроса весьма много, повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что польскія извѣстія о цоцорской битвѣ молчатъ о плѣненіи такого крупнаго лица, какъ козацкій атаманъ; но по этому нельзя еще утверждать, что факта такого

¹⁾ Рукоп. № 1636. Переводъ Новаго Зав. на южнор. варѣчіе, 1581 г., Валентина Некгалевскаго.

²⁾ Listy Stan. Żolkiew., стр. 116.

³⁾ Rainolda Heidensteina. Dzieje Polski. T. II, стр. 448.

⁴⁾ Собрн. украин. пѣсень 1849 г., стр. 31.

вовсе не было, скорѣе можно предположить, что наши историки фактъ этотъ, случившійся можетъ быть раньше, по слухамъ приурочили только къ такому крупному событію, какъ битва при Цоцорѣ, и это отчасти можетъ служить подтвержденіемъ того, что Кошка плѣненъ былъ около этого времени. Какъ бы ни было, мы не можемъ отвергнуть лѣтописныхъ свидѣтельствъ, единогласно удостоверяющихъ тотъ фактъ, что Кошка дѣйствительно былъ плѣненъ турками. Сопоставляя же рассказъ лѣтописцевъ съ рассказомъ думы объ обстоятельствахъ этого плѣненія, мы не видимъ въ нихъ ничего почти общаго. Лѣтописи передаютъ фактъ плѣненія, а основной рассказъ думы—освобожденіе изъ неволи. Если о фактѣ плѣненія упоминается въ вариантѣ думы, записанномъ со словъ Крюковского, то, какъ было уже сказано, это позднѣйшая прибавка, отличающаяся обще-типической картиной нападеній татаръ и турокъ на козацкія стоянки, лѣтописцы-же, говоря о плѣненіи Кошки, руководствовались народными о семь преданіями, но только не тѣми, которыя вошли въ составъ думы.

О времени пребыванія въ плѣну ни дума, ни лѣтописи почти ничего не говорятъ, если не считать въ думѣ указанія на грубое обращеніе съ плѣнниками; но это также общетипическое мѣсто, встрѣчающееся во многихъ плѣсняхъ.

Что-же касается самаго факта бѣгства изъ неволи, т. е. главнаго предмета думы, то о немъ лѣтописцы совершенно умалчиваютъ. Только у Ригельмана сказано, что Кошка вмѣстѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и прочими черезъ два года были выкуплены въ обмѣнъ на плѣненныхъ татаръ; но откуда почерпнуто Ригельманомъ это извѣстіе—неизвѣстно. Остальныя лѣтописи сообщаютъ лишь о томъ, что Кошка былъ плѣненъ, а Исторія Руссовъ добавляетъ—и истребленъ. Одни приложения къ лѣтописи Величка даютъ поводъ предполагать, что рассказы о возвращеніи Самуила Кошки изъ плѣна существовали, ибо въ одномъ изъ нихъ сказано: *выкупили-ль его козаки, или нѣтъ—неизвѣстно, но только извѣстно то, что онъ погребенъ въ Каневъ* (о чемъ говорить и дума).

Если такимъ образомъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна лѣтописныя сказанія совсѣмъ молчатъ, то мы въ правѣ усумниться въ существованіи этого факта, особенно если примемъ во вниманіе, что тѣ-же сказанія почти въ одинъ голосъ сообщаютъ о плѣненіи

его; значить, о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна мало говорили народныя преданія, а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не было, да и думы во время составленія сказаній можетъ быть также не существовало, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, потому что, будь она, наши лѣтописцы, не особенно разборчивые въ матеріалахъ, непремѣнно воспользовались-бы ею для разсказа.

Откуда-же, на основаніи какихъ данныхъ могъ явиться народный разсказъ объ этомъ сомнительномъ бѣгствѣ?

О Самуилѣ Кошкѣ, какъ о народномъ героѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ туркамъ, ходило конечно много разсказовъ; когда пронесся слухъ о его возвращеніи, хотя-бы посредствомъ обмѣна или выкупа плѣнныхъ, народная фантазія легко могла нарисовать по своему картину этого возвращенія, создавъ ее по типу готовыхъ разсказовъ о бѣгствахъ разныхъ плѣнниковъ. Правда, въ думѣ является много не типическихъ чертъ, а исключительныхъ подробностей; но они-то именно, при молчаніи лѣтописцевъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна, и заставляютъ насъ предполагать, что фактъ такого бѣгства существовалъ, но не съ Самуиломъ Кошкой, а съ кѣмъ-нибудь инымъ; народной-же фантазіи ничего уже не стоило приурочить этотъ фактъ къ своему герою, особенно если фактъ случился въ то время, когда въ народѣ очень свѣжа была память о Кошкѣ. Оправданіемъ этого моего предположенія можетъ, кажется, служить упомянутый мною въ началѣ разсказъ, переданный въ итальянской брошюрѣ, о бѣгствѣ одного знатнаго русскаго офицера вмѣстѣ съ другими невольниками и истребленіи ими богатой турецкой галеры и убійствѣ командовавшаго ею паши. Брошюра эта издана въ Римѣ въ 1643 году, а русскій переводъ оной сообщенъ мнѣ В. Б. Антоновичемъ, съ поясненіемъ о мѣстѣ храненія и отысканія оной, которое подлинникомъ приводится здѣсь-же въ примѣчаніи ¹⁾.

¹⁾ Брошюра издана въ Римѣ въ 1643 г. въ типографіи Григизини на итальянскомъ языкѣ. Авторъ разсказа не извѣстенъ, но можно догадываться, по его содержанію, что онъ составленъ участникомъ описываемаго событія Сильвестромъ изъ Ливорна, котораго дѣятельность во время подготовленія возстанія невольниковъ особенно тщательно отбѣнена. Итальянской брошюры намъ не удалось встрѣтить, но въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ въ Львовѣ мы нашли два различные перевода этой брошюры на польскій языкъ. Однѣй переводъ, болѣе

Приводимъ любопытный текстъ этой брошюры съ слѣдующимъ пространнымъ ея заглавіемъ:

Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи, недавно случившемся: о томъ, какъ взята была лучшая турецкая галера, бывшая подъ начальствомъ Анти-паши Маріоля, какъ получили свободу 207 человекъ невольниковъ христіанъ изъ польской Руси и 70 невольниковъ изъ другихъ христіанскихъ странъ, какъ взяты были въ плѣнъ 40 турковъ и 4 богатыхъ еврейскихъ купца, какъ убитъ былъ упомянутый Анти-паша со многими другими турками, и какая богатая добыча найдена была на галерѣ.

Нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, находился въ плѣну у турецкаго царя въ продолженіи многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими земляками своими. Онъ возымѣлъ твердое намѣреніе освободить себя и земляковъ изъ тяжелой неволи и въ теченіи трехъ лѣтъ обдумывалъ и подготавливалъ планъ избавленія своего совместно съ товарищами. Содержался онъ въ каторгѣ на изящной и отборной цареградской галерѣ, находившейся подъ начальствомъ жестокаго Анти-паши Маріоля. Наконецъ въ ноябрѣ 1642 года онъ началъ подготавливать средства для освобожденія съ большою осмотрительностью и въ глубокой тайнѣ, съобща съ нѣкоторыми болѣе близкими и вѣрными товарищами. Когда галера находилась у крѣпости Азова (въ подлинникѣ Asach?), онъ сталъ приносить понемногу ружейный порохъ и, завязывая его въ мѣшки, отдавалъ на храненіе нѣкоему русину Микулѣ. Этого Микулу Анти-паша считалъ вполне вѣрнымъ себѣ слугою и предоставилъ

древній, писанный почеркомъ XVII столѣтія, находится въ записной книгѣ Петра Яблонскаго (въ каталогѣ рукописей № 6). Эта записная книга содержитъ 19 различныхъ статей, по большей части ученыхъ трактатовъ и историческихъ повѣствованій, переведенныхъ изъ языковъ: латинскаго, русскаго, италіанскаго и венгерскаго на польскій; въ томъ числѣ находится и «Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи». Другой вариантъ перевода находится въ рукописи, помѣщенной въ каталогѣ номеромъ 967; это небольшая рукопись in quarto, состоящая изъ восьми листовъ; она содержитъ только одну статью—именно: переводъ указанной нами брошюры. Рукопись эта писана почеркомъ начала XVIII столѣтія и представляетъ переводъ того-же италіанскаго текста, только болѣе поздній и менѣе удачный. Нашъ переводъ сдѣланъ по варианту, помѣщенному въ записной книгѣ Яблонскаго.—В. А.

ему должность эконома, поручивъ ему завѣдывать съѣстными припасами, назначенными какъ для его личнаго стола, такъ и для продовольствія турецкихъ солдатъ и невольниковъ; турки поэтому не наблюдали надъ поведеніемъ Микулы, онъ во всякое время расхаживалъ безъ цѣпей по галерѣ, и только на ночь на него налагали оковы. Пользуясь своимъ положеніемъ, Микула припряталъ мѣшковъ съ порохомъ, котораго собралось до 40 фунтовъ, положивъ его среди мѣшковъ съ сухарями, гдѣ, по милости Божьей, его не замѣтили ни шпіоны, ни сторожа турецкіе. Въ ноябрѣ галера, совместно съ шестью другими, снялась съ якоря и приплыла въ Царьградъ; изъ одной галеры успѣлъ убѣжать невольникъ грекъ и донесъ султану, что, не смотря на его указы и распоряженія, обезпечиванія безопасности грековъ, Анти-паша захватилъ въ плѣнъ на своей галерѣ 40 человекъ изъ этого народа. Султанъ сдѣлалъ выговоръ Анти-пашѣ и приказалъ ему отпустить грековъ на волю. Но паша не желалъ исполнить этого приказанія и потому 9 ноября, наканунѣ св. Мартына, онъ въ полночь снялся съ якоря, распустилъ всѣ паруса и отправился въ путь; остальные шесть галеръ получили приказаніе на другой день слѣдовать за нимъ въ Наполи ди Романія, гдѣ паша предполагалъ провести зиму и вести выгодныя торговля сдѣлки съ купцами этого города. Когда галера достигла Бѣлаго (Мраморнаго) моря въ двухъ миляхъ отъ Царсграда, капитанъ (сотникъ?) Иванъ Симоновичъ и его товарищи русины сочли, что имъ представился случай освободиться изъ плѣна раньше, чѣмъ они надѣялись; они рѣшили ускорить исполненіе своего предпріятія, пока ихъ не настигнутъ остальные шесть галеръ. Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый изъ нихъ запасся камнемъ, лопатою или топоромъ, нѣкоторые-же принесли сабли и спрятали ихъ между скамьями; сабли эти въ ту ночь роздалъ имъ юноша, по имени Сильвестръ изъ Ливорно, котораго и султанъ и Анти-паша считали искреннимъ и убѣжденнымъ ревегатомъ, между тѣмъ какъ онъ оставался въ тайнѣ христіаниномъ и состоялъ искреннимъ пособникомъ заговора. Юноша этотъ при наступленіи ночи улегся среди турецкихъ солдатъ и притворился спящимъ. Между тѣмъ капитанъ Симоновичъ, который былъ прикованъ цѣпью къ первой скамьѣ, сталъ фитилемъ поджигать порохъ, лежа подъ скамьею, одинъ-же изъ товарищей старался закрыть его собою;

порохъ этотъ былъ подожженъ подъ доски въ задней части галеры, подъ то помѣщеніе, гдѣ почевалъ самъ Анти-паша и съ нимъ 37 солдатъ турецкихъ. Шесть солдатъ были разставлены на ночь на галерѣ въ качествѣ часовыхъ; они замѣтили, что у капитана блестятъ въ рукахъ огонь и окликнули его, спрашивая, что онъ дѣлаетъ? Симоновичъ отвѣтилъ, что онъ курить трубку; турки удовлетворились этимъ отвѣтомъ и успокоились. Къ несчастью порохъ оказался отсырѣвшимъ и, не смотря на двукратную попытку, не всыхнулъ; замѣтивъ это Сильвестръ, лежавшій среди турецкихъ солдатъ, незамѣтно проползъ по галерѣ и принесъ русскому капитану горящихъ углей, завернутыхъ въ тряпку; послѣдній бросилъ уголья внизъ въ то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ порохъ; наконецъ послѣдовалъ взрывъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ ожидали, по причинѣ порчи пороха отъ сырости; отъ взрыва тѣмъ не менѣе влетѣли на воздухъ 28 турокъ и загорѣлись каюты и паруса; огонь сталъ осыпая остальныхъ турокъ, которые принуждены были полуживые бросаться частью въ море, частью среди русиновъ певольниковъ. Среди смятенія и криковъ, поднявшихся вслѣдствіе взрыва и пожара, проснулся въ тревогѣ Анти-паша Маріоли; онъ выбѣжалъ на палубу исполненный ярости, сталъ громко браниться и кричать: „ахъ, вы христіанскія собаки! не трогаться съ мѣста, измѣнники! сидѣть смирно!“ Но русины храбро схватили камни, сабли и другое оружіе и бросились на турокъ съ крикомъ: „вотъ, вотъ, сейчасъ овладѣемъ галерою!“ Въ это время капитанъ Симоновичъ схватилъ саблю, напалъ съ неотразимою отвагою на пашу и нанесъ ему смертельный ударъ со словами: „не сносить тебѣ головы, проклятая собака!“ Затѣмъ онъ бросился вмѣстѣ съ товарищами на другихъ турокъ. Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отѣченными, облитыми кровью головами, которыя русины сбрасывали въ море. Но счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, турки не могли пустить въ дѣло луковъ, ибо тетивы ихъ были уничтожены горящими углями, падавшими изъ плававшихъ каютъ, такъ что только два или три лука осталось годными къ употребленію. Изъ нихъ двумя стрѣлами раненъ былъ въ туловище и въ руку капитанъ Симоновичъ; затѣмъ онъ подвергся большой опасности, ибо одинъ старый, крѣпкій турецкій солдатъ бросился на него съ желаніемъ dokonать его, но товарищи прыгнули ему на

помощь во время; турокъ храбро и упорно сражался съ дьявольскою неукротимостью; долго русины не могли его одолѣть, пока наконецъ не пронзили его копьемъ; онъ палъ съ страшнымъ пронзительнымъ крикомъ.

Послѣ продолжительной схватки невольники съ Божіею помощью одержали полную побѣду; они немедленно стали разбивать свои оковы съ большимъ грохотомъ и, вслѣдъ затѣмъ бросились къ канатамъ, желая распустить паруса, но при этомъ почувствовали необычную тяжесть; осмотрѣвъ паруса, они увидѣли, что многіе турки укрылись туда, пользуясь смятеніемъ; послѣдніе просили о помилованіи, и невольники согласились подарить имъ жизнь и объявили ихъ плѣнниками. Другіе турки бросились въ море изъ-за спасенія жизни, а человекъ 8 или 10, въ томъ числѣ и сынъ Антипаша, прыгнули въ плюшку; изъ галеры видно было, какъ лодка эта, полужалитая водою, кружилась по морю; весьма вѣроятно, что она позонула.

Освободившихся невольниковъ на этой галерѣ оказалось болѣе 250; все это были отборные, молодые и храбрые христіанскіе воины. Лишь только кончилась битва и водворился порядокъ, тотчасъ все бросились къ весламъ и стали грести со всехъ силъ; они быстро помчались по морю, тѣмъ болѣе, что дулъ попутный вѣтеръ. Они непрерывно работали веслами и плыли въ теченіи семи дней по направленію къ Калабріи, намѣреваясь пристать къ гавани въ Чивита-Веккии, портъ Орвіетской области, тамъ высадиться, поклониться святымъ въ Римѣ и оставить галеру въ подарокъ святѣйшему папѣ Урбану VIII. Во время пути случилось, что галера встрѣтила фелюку турецкую, въ которой плыли семь человекъ турокъ; послѣдніе, увидѣвъ одну изъ своихъ галеръ, приблизились къ ней, спрашивая, нѣтъ-ли на пути христіанскихъ кораблей? Одинъ изъ русиновъ, выдавая себя за турецкаго начальника, отвѣтилъ имъ, что кораблей христіанскихъ въ морѣ нѣтъ, и ласково пригласилъ ихъ къ себѣ, предложивъ угощеніе. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громкимъ хохотомъ, турки-же съ крайнею грустью увидѣли себя неожиданно въ плѣну. Въ восьмой день плаванія поднялась страшная буря; она поломала 17 веселъ и раздробила руль галеры; вслѣдствіе этого бѣглецы должны были сократить путь, они пристали къ берегу въ гавани Мессинѣ, гдѣ и по

нынѣ находится упомянутая галера со всѣми взятыми на ней богатствами, которыя будутъ исчислены ниже.

Достоино замѣчанія то обстоятельство, что въ горячей схваткѣ съ турками убитъ былъ только одинъ русинъ и ранено до 20 человѣкъ; притомъ нѣсколько человѣкъ сидѣвшихъ въ той сторонѣ, гдѣ произошелъ взрывъ, получили обжоги.

Въ добычу освободившимся невольникамъ поступили плѣнники: 34 турка, 2 турчанки, 3 мальчика, два негра и 4 богатые кунцы евреи, предложившіе 10,000 скудовъ (талеровъ) выкупа. Сама галера, принадлежавшая къ царградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она вся была вызолочена, снабжена 15 прекрасными парусами различной величины, 8 большими канатами, 12 якорями, 7 большими пушками, 12 меньшими мѣдными. Кромѣ того на ней оказалось: 250 мушкетовъ, большой запасъ сабель, изъ которыхъ болѣе 20 были обдѣланы въ золото и серебро; два полные прибора лошадиной сбруи съ сѣдлами, позолоченные, отдѣланные серебромъ и украшенные жемчугомъ и дорогими камнями въ прекрасной оправѣ; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурныхъ кафтановъ на соболяхъ, 20 одѣялъ изъ златоглава, 40 книжаловъ съ серебряными рукоятками, украшенными драгоценными камнями; цѣльный рогъ единорога *)—предметъ весьма рѣдкій и цѣнный; 8,000 талеровъ, 600 венгерскихъ червонцевъ, обломковъ серебра вѣсомъ на 300 талеровъ; 60 мѣшковъ пшеницы и множество другой живности; 20 прекрасныхъ и богатыхъ знаменъ и множество богатаго и тонкаго бѣлья; по два полные мундирные костюма для 250 солдатъ; 15 прекрасныхъ ковровъ, каждый цѣною въ 150 скудовъ; 250 деревянныхъ брусковъ и 150 большихъ желѣзныхъ полосъ, предназначенныхъ для постройки новой галеры; множество свертковъ дамасской ткани и другихъ предметовъ торговли.

Въ приведенномъ разсказѣ нельзя не видѣть очень многихъ мѣстъ совершенно сходныхъ съ разсказомъ думы, и не будетъ казаться слишкомъ смѣлымъ предположить, что именно этотъ случай

*) Въ XVI и XVII столѣтіяхъ рогомъ воображаемаго звѣря единорога считали зубъ китообразнаго животнаго—нарвала (Monodon Monoceros).

и подалъ поводъ къ сложенію думы о Кошкѣ. Возвратившіеся изъ плѣна вмѣстѣ съ героемъ италіанскаго сказанія Симоновичемъ конечно разсказывали объ этомъ событіи; разсказъ переходилъ отъ однихъ къ другимъ, съ мѣста на мѣсто, быть можетъ отъ одного поколѣнія къ другому, личность и имя малоизвѣстнаго Симоновича забыты, а въ тоже время жила въ памяти народной личность героя Самуила Кошки, и ничего нѣтъ удивительнаго, если съ теченіемъ времени разсказъ о забытомъ Симоновичѣ пріуроченъ къ долго памятнаму Самуилу Кошкѣ, также бывшему въ плѣну, но умершему и погребенному на родинѣ. Въ общемъ фактъ остался тотъ-же, но дополненъ фантазіей; а, можетъ быть, и еще какими нибудь невѣдомыми намъ историческими случаями, бывшими съ другими лицами, и такимъ образомъ, до извѣстной степени пересоздался. Но, не смотря на такое пересозданіе, все-таки можно видѣть много такихъ рѣзкихъ особенностей въ думѣ, которыя сами напрашиваются на сопоставленіе съ разсказомъ брошюры. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наиболѣе характерны въ данномъ случаѣ русинъ Микула, въ брошюрѣ и Ляхъ-Бутурлакъ—въ думѣ. Микула оказывается какъ-бы русскимъ ренегатомъ, но такимъ, который, занимая мѣсто эконома на галерѣ и пользуясь довѣріемъ турокъ, остается втайнѣ вѣрнымъ христіанской религіи; онъ-то главнымъ образомъ, въ сообществѣ съ Сильвестромъ изъ Лнворно, другимъ ренегатомъ, даетъ возможность невольникамъ освободиться изъ плѣна. Въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ мы тоже видимъ ренегата въ лицѣ Ляха-Бутурлака; по варианту, записанному Луканевичемъ, онъ представляется *колеблющимся*, какъ справедливо замѣчаютъ издатели историческихъ пѣсенъ; онъ не помогаетъ освобожденію невольниковъ, и только когда уже фактъ совершился, становится помощникомъ ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Но такое изображеніе Ляха-Бутурлака могло быть результатомъ желанія неизвѣстнаго народнаго художника подвести личность его подъ обыкновенный типъ ренегатовъ, отличавшихся по большей части жестокостью, какимъ въ думѣ „Плачь невольниковъ на турецкой каторгѣ“ представленъ „баша турецкій, бусурманскій, недовірокъ христіанскій“. Такимъ же путемъ пересозданъ въ одномъ изъ вариантовъ думы и сочувствовавшій невольникамъ Микула, сохранивъ однако и здѣсь черты *колеблющагося*; за

то въ другомъ вариантѣ той же думы, записанномъ Горленкомъ, и который по многимъ чертамъ мы считаемъ болѣе древнимъ, превращенный въ Ляхъ-Бутурлака Микула рисуется не колеблющимся, а прямо лицемѣрящимъ предъ турками; тутъ между Микулою и Ляхомъ-Бутурлакомъ полное сходство; послѣдній, какъ и первый, состоитъ также завѣдующимъ на галерѣ провизией и является прямо сочувствующимъ невольникамъ, отдавая имъ ключи отъ оковъ и советуя немедленно покончить съ турецкимъ пашей. Различіе въ ихъ названіяхъ только кажущееся: Микула могло быть собственнымъ и дѣйствительнымъ именемъ, а названіе Ляхъ-Бутурлакъ могло быть и приложено къ нему и замѣнять его, такъ какъ, очевидно, оно не личное историческое, а типическое, и, по справедливому толкованію г. Булпша¹⁾, произошло вслѣдствіе передѣлки слова *потурнакъ*, стараго названія потурчившихся ренегатовъ.

Другимъ такимъ же сходнымъ мѣстомъ въ думѣ и брошюрѣ является рассказъ о томъ, какъ обмануты были турки, выхавшіе на встрѣчу галерѣ. Въ брошюрѣ мы видимъ, что при встрѣчѣ съ турецкой фелюкой, одинъ русинъ, выдавая себя за турецкаго начальника, пригласилъ турокъ на галеру, гдѣ они и очутились плѣнниками; въ думѣ, въ обоихъ вариантахъ, говорится о подобномъ-же обманѣ, при чемъ эту роль исполняетъ Ляхъ-Бутурлакъ, который

*Самъ на чердакъ выстунавъ,
Турецькимъ бѣленькимъ завиваюмъ малавъ;
Разъ-то мовить по-грецьки,
У друге по-турецьки.*

Что этотъ въ основѣ одинаковый фактъ явился въ частности различающимся, объяснить не трудно народнымъ желаніемъ пересоздать нѣсколько самый фактъ по типу случавшихся фактовъ. Бѣгство изъ турецкой неволи сопровождалось частыми преслѣдованіями и препятствіями на пути со стороны турокъ: вотъ почему дума, по моему мнѣнію, измѣнила нѣсколько случаевъ, рассказанный въ брошюрѣ, гдѣ рисуется случайная встрѣча съ турецкой фелюкой, и создала типическія подробности о томъ, какъ невольники, „миная турецкія калавуры“—по Крюковскому, или проѣзжая мимо города

¹⁾ Булпшъ. Матеріалы, т. I, стр. 104.

Цареграда—по Лукашевичу, избавились, благодаря хитрости, от угрожающей опасности.

Личность Анти-пани въ итальянскомъ разсказѣ и личность Алкана-пани въ думѣ (котораго вариантъ Крюковскаго не называетъ) очень легко могутъ быть сопоставлены, если принять во вниманіе естественное искаженіе имени. Что касается разсказа думы, который изображаетъ Алкана-пану шпірующимъ въ Козловѣ у „дѣвичины Санжаківны“, т. е. у дочери козловскаго губернатора, то весьма возможно, что подобный фактъ былъ съ кѣмъ нибудь изъ пашей и только пріуроченъ къ данному случаю, а можетъ быть и просто дорисованъ фантазіей, чтобы объяснить причину оплошности турокъ. Типъ, подобный Санжаківнѣ, хотя и не изъ часто встрѣчавшихся, но по указаніямъ издателей историческихъ пѣсень вполне возможенъ¹⁾. Нельзя не обратить вниманія и на то, что „дѣвка Санжаківна“ пріурочена въ думѣ къ г. Козлову, а въ пѣснѣ объ Иванѣ Богуславцѣ рисуется очень свободно держащей себя „пані Кізлевская“, т. е. жена важнаго сановника въ Козловѣ. Вѣроятно, былъ какой-нибудь подобный фактъ въ Козловѣ, и съ тѣхъ поръ козловскія мусульманки стали въ думахъ играть роль типическихъ самовольныхъ женщинъ.

Къ указаннымъ выше сходнымъ чертамъ нельзя не прибавить и еще одной—сходства въ описаніи галеры въ думѣ и брошюрѣ. Дума такъ описываетъ убранство галеры:

*Выступала шлепра,
Трѣма цвітами процвітана, малѣвана.
Ой первымъ цвітомъ процвітана—
Златосинимъ кандяками побивана,
А другимъ цвітомъ процвітана—
Гарматами арештована,
Третимъ цвітомъ процвітана—
Турецькою білою шобою покровена.*

Сверхъ того, въ концѣ думы разсказывается, что возвратившіеся на родину невольники производили дѣлежъ богатой добычи, захваченной на этой галерѣ. Однимъ словомъ, изъ думы ясно видно, что это была одна изъ самыхъ парадныхъ и богатыхъ галеръ ту-

¹⁾ Историч. пѣсни, т. I, стр. 226 в 244.

рецьких. Описаніє галеры въ упомянутой брошюрѣ только можетъ подтвердить предположеніе, что этотъ случай съ Симоновичемъ дать главныя черты для разсказа въ думѣ. „Сама галера, говоритъ авторъ брошюры, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она была вся вызолочена, снабжена прекрасными парусами, 7 большими пушками и 12 меньшими мѣдными“ и т. д. Конечно, описаніе галеры въ думѣ могло явиться просто какъ результатъ знакомства разсказчиковъ съ устройствомъ и убранствомъ галеръ парадныхъ вообще, но если мы имѣемъ въ этомъ случаѣ еще одно прибавочное совпаденіе къ цѣлому ряду другихъ, то это только можетъ подтвердить мое основное предположеніе о томъ, каковыя путемъ происхождения дума о Самуилѣ Кошкѣ.

И такъ, исходя изъ того положенія, что народно-эпическія произведенія въ основѣ своей непременно должны имѣть дѣйствительный фактъ, можетъ быть только своеобразно понятый и переданный, и не находя въ исторіи всѣхъ тѣхъ данныхъ о Самуилѣ Кошкѣ, которыя отражаются въ думѣ, мы можемъ прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Плъненіе Самуила Кошки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII в., около 1620 г., фактъ-же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ, и это ведетъ къ предположенію, что такого факта вовсе не было.

2) Въ народѣ ходили толки о плѣнѣ Самуила Кошки, которые, можетъ быть, облеклись даже въ цѣсную формулу, впоследствии совершенно утратившую свой первоначальный видъ.

3) Возвратившіеся вмѣстѣ съ Симоновичемъ изъ плѣна разсказывали о подробностяхъ своего освобожденія, при чемъ разсказы эти съ теченіемъ времени приурочены къ народному герою Самуилу Кошкѣ, о которомъ существовалъ уже раньше рядъ сказаній.

4) Въ такомъ видѣ преданія эти, видоизмѣняясь и пополняясь новыми подробностями, то какъ обще-типическими приѣмами пѣвцовъ, то какъ замѣтowanіями отъ другихъ фактовъ однородныхъ, распространялись въ цѣлую думу, которая въ болѣе цѣльномъ видѣ записана была г. Лукашевичемъ въ 30-хъ годахъ, а въ обрывкахъ, свидѣтельствующихъ о существованіи и другихъ вариантовъ ея, сохранилась и донныѣ въ памяти народной, какъ удостовѣряетъ вариантъ записанный г. Горленкомъ.

В. Науменко.